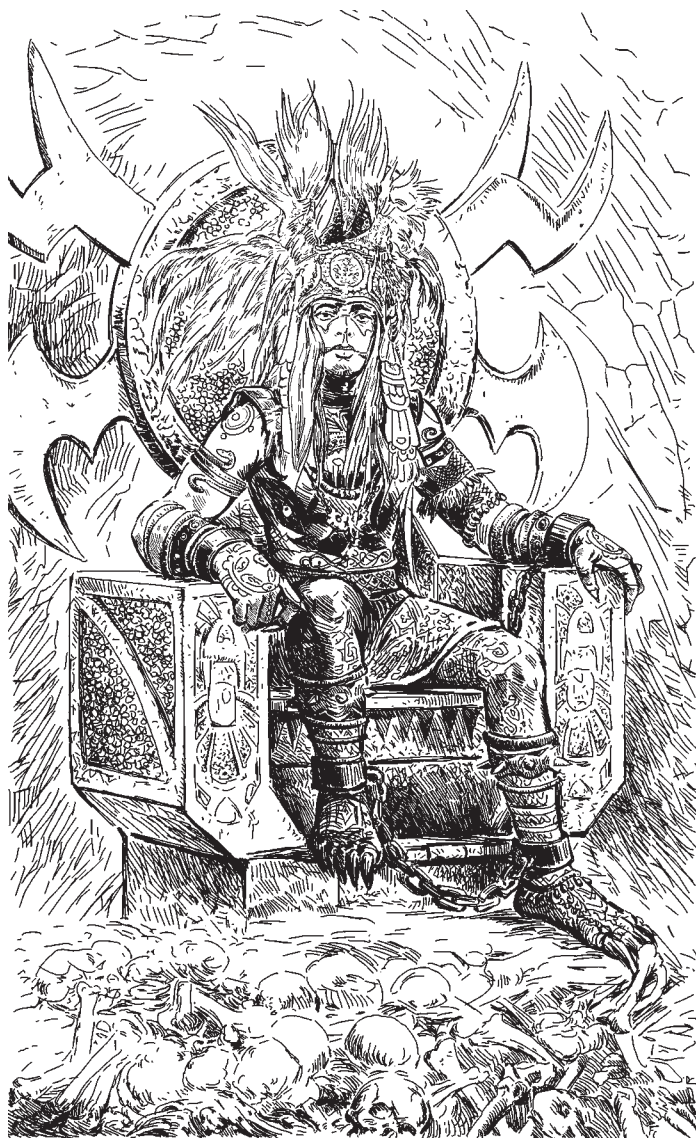

Юлия Жукова

ЗАМУЖ С ОСЛОЖНЕНИЯМИ
САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ

Юлия Жукова

Сами мы не местные

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2011
 САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ж86

Художник
Л. Клепакова

Жукова Ю. Б.

Ж86 Сами мы не местные: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.— 378 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1007-1

Жить в чужой стране и вообще-то непросто, а если это не страна, а целая планета и до родного дома десятки миллионов световых лет... И у тебя там никого нет, кроме любимого мужа, который, впрочем, страдает почти всеми местными заморочками, — тут уж приходится быть начеку и в полной боевой готовности круглосуточно. А между тем в инопланетном раю, раскинувшемся от северных снегов до южных джунглей, где боги ходят по улицам, а на подводных тварей можно полюбоваться из окна вагона, так хочется просто наслаждаться жизнью...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1007-1

© Жукова Ю. Б., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ГЛАВА 1

Из мемуаров Хотон-хон

В начале было двое богов — как ни удивительно, мужчина и женщина. Удивительно то, что про мужчину так мало известно. Вот про женщину все вам расскажут с большим удовольствием: ее звали Укун-Танив, а потом стали вежливо называть Укун-Тингир (хотя что значат оба имени и чем второе вежливее первого — это знание, доступное только Старейшинам). Она носила прическу из четырех кос, обожала рыбу и была исключительно красива. Жила она, понятное дело, на далекой Земле (по-муданжски она так и будет «Даль») и потому была бледная и кудрявая, как все земляне.

С богом-мужчиной же творятся какие-то чудеса. Называют его обычно просто «старый бог», причем для этого используют современные слова, а иногда даже молодежный жаргон, что-то вроде «заплесневелый предок». Старейшины по идее знают какое-то более уважительное имя этого персонажа, но ни за что не делятся им с простыми людьми. Жил он тоже непонятно где — мотался по Вселенной без определенной цели. Далее, внешность праотца и вовсе загадочна. Очень мало легенд, в которых он был бы описан хотя бы похожим на человека. Чаще всего это дракон или змей в перьях, хотя может быть волк, леопард, в северных районах барс, на юге скорее шакал. Но даже когда он предстает в человеческом облике, то все равно сохраняет звериные черты — хвост, когти, клыки, рога, крылья, мех или чешую на лице и руках. Часто также говорится, что он был (и остается, ибо поныне здравствует) настоящим великаном. После этого обычно все принимаются дружно жалеть богиню-мать.

Итак, эти настолько разные существа все же нашли общий язык и вступили в брачный союз, одобренный самими стихиями. И сошлись они на брачном ложе, и породили бесчисленное множество самых разномастных детей, которых теперь жители Муданга и называют богами. Любопытно, правда, что все эти дети гораздо боль-

ше похожи на отца, чем на мать, то есть совсем не белые и не кудрявые, хотя и довольно красивые, но главное — каждый из них напоминает какого-нибудь зверя, птицу или гада, а вот рыбообразных богов совсем нет.

Укун-Танив от родов страшно устала и закатила своему мужу такой скандал, что звезды тряслись. А потом хлопнула дверью небесного шатра (некоторые книжники считают, что она просто задела «поющий ветер», висевший над порогом) и улетела к себе на Землю. От всех этих сотрясений поднялась пыль, и ее скатало ветром в шарик, который и есть планета Муданг.

Старый бог вздохнул, почесал когтистой лапой перья на голове, да и стал выдумывать, какими бы подарками заманить обратно расстроенную подругу. А заодно — что делать с полчищами новорожденных детей, которых она и не подумала взять с собой? Чтобы стимулировать мыслительный процесс, он взял тот шарик пыли и стал его катать в руках, да так плотно скатал, что внутри все сплющилось и пыль стала драгоценной платиной. А чтобы выровнять поверхность, старый бог поплевал на руки, отсюда на планете возник великий океан Гэй. Повесил бог получившуюся игрушку посреди Вселенной и принялся ее всячески украшать. Заслал туда своих младенцев и наказал им сделать из подручных материалов всякую зелень и живность. Пока они были заняты, старый бог решил отдохнуть, встретился с друзьями да и выпил лишнего. А когда очнулся, смотрит — а по его шарик у бродят какие-то двуногие существа, вроде на детей похожи, ан не совсем, и от жены что-то в них есть, но тоже немного, и на него самого только отдельными чертами похожи. Чудеса, да и только.

С другой стороны, подумал старый бог, чем же еще заморозить супругу, как не чудесами? Взял он аккуратно парочку загадочных существ и послал ей через туннель, дескать, возвращайся, смотри, какие у меня тут штуки есть.

Укун-Танив человечков получила, осмотрела, наморщила носик и решила их облагородить. Наделила их своей красотой и силой, открыла им тайны природы и поселила у себя на Земле. Понаблюдала некоторое время, как они привыкают к новым условиям. Потом вздохнула, оторвалась от любопытного зрелища и полетела к мужу. Надо же было поощрить его за такой любопытный подарок.

А у мужа творится бедлам. Создал он себе планету, населил ее всяким зверьем, выпустил туда своих человечков, они ходят, бедные, куда приткнуться, не знают, чем заняться, не понимают. Жалко ей стало бедных несмышленишей, но одаривать их как своих земных ей тоже не хотелось, все-таки злилась еще на мужа немного. Тем

более тут еще все эти дети, вот пусть они человечкам и покровительствуют. А она дала муданжцам живительную влагу из своих грудей, которая пролилась на планету дождем и обратилась в пресную воду. В эту воду поселила она своих любимых рыб и задумалась, что бы еще такое сделать, да ненароком взглянула на мужа. А тот счастливый стоит, улыбается, дивится на новый мир, который они вместе сотворили. И такое влечение ею овладело, что никаких сил обижаться на него не осталось. И отправились они снова на брачное ложе, но прежде Укун-Танив мановением прекрасной своей длани освободила человеческих женщин от всякого подобного влечения, чтобы они могли сохранять достоинство и не прощать своих мужей за спасибо и улыбку. Правда, совсем уничтожить влечение ей не удалось, ведь никакую силу нельзя вовсе уничтожить. Поэтому с тех пор большинство муданжек свободны от похоти, но зато уж если какая несвободна, то отдувается всю жизнь за всех своих соотечественниц, и все ей мало.

Дальнейшая судьба Укун-Танив и ее мужа никому толком не известна, даже Старейшины честно разводят руками. Бог землетрясений, он же Ирлик-хон, мангуст-оборотень, однажды напророчил (во всяком случае, некоторые считают, что это было пророчество, а не просто пара лишних чарок на пиру, как думают авторитетнейшие из Старейшин), что когда-то в далеком будущем супружеское ложе богов совсем износится и тогда старый бог притащит раздраженную жену на планету, чтобы здесь ею овладеть, а она будет упираться, и на каждом ее суставе откроется рот, и она будет этими ртами кусаться, как дикий зверь. Но что случится из-за этого — никто не знает. То ли конец истории, то ли новые дети... Как бы там ни было, большинство Старейшин даже не считают это пророчество настоящим.

Некоторые полагают, что Укун-Танив регулярно посещает мир, и в это время ее надо называть Укун-Тингир, иначе обидится — и не видать урожая. Другие говорят, что Укун-Тингир — это другая богиня, возможно, сестра или дочь Укун-Танив. Все согласны только, что Укун-Тингир не живет на Муданге все время, а прилетает иногда, в моменты особой исторической значимости, когда надо помочь людям справиться с каким-нибудь глобальным несчастьем вроде проглоченного солнца. У Ирлик-хона, очевидно, есть все основания ее не любить, он ведь еще не отомстил за распоротое брюхо.

Есть и еще одна любопытная деталь в образе старого бога. Среди всех богов, которых он расселил на Муданге, есть у него любимый сын, самый умный, хитрый и смелый среди всех богов. Толын-чун (так его зовут) тоже оборотень, как и все его сестры и бра-

тя, и обращается он в крылатого черного барса (на севере) или шакала (на юге). На экваторе иногда рассказывают, что видели подозрительных шакалов и барсов вместе — ведь у муданжских богов тоже есть дети, и почему бы им не встречаться иногда... В любом случае муданжцы очень любят рассказывать друг другу легенды, истории и просто анекдоты об этом боге, причем самого разного толка, от возвышенных прославлений до полной похабщины. Поскольку рассказы о Толын-чуне так популярны среди муданжцев, то довольно часто случается, что наемники или другие муданжцы, живущие не на своей планете, принимаются рассказывать о нем на всеобщем людям с других планет. И в этих рассказах они все упорно называют его «демон», хотя и затрудняются объяснить, почему именно это слово из чужой культуры кажется им наиболее соответствующим.

— А ты сам-то как считаешь, одна это богиня или две?

Мы с Азаматом возлежим на подушках в «Лесном демоне» и вяло покусываем копченые сурчиные лапки. К этому экзотическому мясу я все-таки привыкла, особенно если подавать его мне не целой тушкой, а по кусочкам.

— Я, вслед за Старейшиной Унгуцем, придерживаюсь довольно маргинального мнения, что у богов, особенно у старших богов, вообще нет некой единой сущности. Старый бог потому так по-разному и описан, что он на самом деле не один, а множество существ, объединенных одной личностью. Укун-Танив имеет более определенный облик, потому что у всех примерно одинаковые представления об идеальной женщине. В то время как представления об идеальном мужчине бывают довольно разные. Во всяком случае, у нас и в плане внешности. Так что я думаю, что Укун-Тингир — это некая производная Укун-Танив, хотя по сути они одно.

— Будем считать, что я тебя поняла. — Я звонко чавкаю копченостью. Здесь это означает высокую похвалу повару, а кто я такая, чтобы обижать нашего гостеприимного хозяина?

С того дня когда Азамат подтвердил свое право на титул Непобедимого Исполина (пропустим полторы страницы уточняющих его заслуги званий), прошел почти ме-

сяц, а состояние природы и не думало никуда меняться. Впрочем, если учесть продолжительность мударжского года, то неудивительно, что сезоны тут такие неторопливые.

Азамат у меня совсем замотался с этими боевыми учениями. Я уже жалею, что ухватилась тогда за эту идею. Нет, ну одно дело несколько раз в неделю погонять пару десятков парней и объяснить им приемчик-другой. Но народу собралось столько, что мой дорогой супруг вынужден проводить свои уроки по пять-шесть часов каждый день без выходных, а некоторые особо наглые еще и на индивидуальные занятия напрашиваются, хотя бы и за деньги. А ведь на тренировке он не может сесть на почетное место и только покрикивать. Ему же надо все самому показать, всех обойти, да не по одному разу... В общем, тяжелое это дело. С другой стороны, ему настолько льстит внезапное всеобщее внимание, что прекратить или хотя бы сократить уроки он ни за что не хочет.

Да и вообще, я только теперь понимаю, что все время до нашей свадьбы он пребывал в глубочайшей депрессии. Во всяком случае, весь этот месяц энергия из него хлещет так, как раньше мне и не снилось. Он двух минут не может посидеть, чтобы чем-нибудь не заняться. Несмотря на выматывающие уроки борьбы, он успел подновить дом, собрать себе и мне по смешному мударжскому автомобилю, а теперь в бешеную рань, пока я сплю, возится в мастерской с каким-то летательным аппаратом. Бук стоит-пылится в спальне, его уже давно никто не открывал. Хозяин начался за пятнадцать лет и теперь хочет активной деятельности. Вечером, конечно, в койку падает замиртво, но зато никаких дурных снов. Просыпается еще затемно, я, естественно, тоже вскидываюсь, далее следует бурное и насыщенное исполнение супружеского долга, после чего я остаюсь спать, а он убегает готовить завтрак и мастерить свою авиетку.

За завтраком я имею удовольствие созерцать его счастливую физиономию, а потом он укатывает на тренировку. Я еще некоторое время просыпаюсь, что-то жую и тыкаю в

бук, после чего прогулочным шагом отправляюсь к целителю.

Он оказался неплохим мужиком, достаточно вменяемым и сообразительным, правда, нечеловечески любопытным. Мы с ним затеяли фундаментальный проект перевода на муданжский язык Большой медицинской энциклопедии, но дело движется невероятно медленно, потому что многие описанные там болезни и симптомы здесь вообще неизвестны, да и словарного запаса мне не хватает, чтобы их толком объяснить. Целитель живет в забавном домике, больше похожем на башню, а кабинет для наших занятий находится на верхнем, третьем этаже. Поскольку для муданжского дома три этажа — это много, то там даже устроен лифт, чему я очень рада: потолки-то высоченные. Так вот, в кабинете окна представляют собой витражи с обнаженными женским и мужским телами и просвечивающими сквозь них схематичными органами. Сверху все это великолепие снабжено названиями «*Карта частей мужа*» и «*Карта частей жены*». Мой словарный запас постепенно пополняется, а работа над энциклопедией движется, и «*Карты*» обрастают липкими листочками с надписями на двух языках — как что называется.

Параллельно мы также пытаемся установить, какие тут известны лекарственные травы, от чего их применяют и насколько это действенно. Результат иногда просто потрясающий. Например, подорожник здесь такая же обычная трава, как у нас, но о его целебных свойствах муданжский коллега ничего не знал. Зато обнаруживаются какие-то неизвестные мне доселе растения, с помощью которых в два приема лечатся вообще все венерические заболевания и СПИД, хотя как именно они работают, целитель объяснить затруднился. Не знаю, насколько вообще правда все, что он мне рассказывает. Не очень-то мне верится в научность их методов исследования.

Обедать я иду в «Щедрый хозяин», где меня встречает радостная Орива. С ней мы тоже некоторое время перетираем за недуги и целительство. На полноценные уроки мне пока не хватает языка, но она девка способная и очень

хочет научиться, так что посредством картинок и скульптур из теста мы все-таки приходим к взаимопониманию.

С ней меня свел Старейшина Унгуц. Он вообще как-то ненароком взял нас под свою опеку. То есть, насколько я понимаю, Азамата он и раньше привечал, а теперь и меня за компанию забрал под крылышко. Своих детей-то у него нет — погибли по разным причинам. Остался взрослый внук-наемник, летающий черт знает где, и внучка пяти лет от роду, воспитанию которой дедуля и посвящает весь свой досуг.

Ориву он привел к нам домой без предупреждения на следующий день после боев. Азамат был на заднем дворе и разделявал ягненка, так что дверь открыла я, по уши в тесте и с капустным ножом наперевес. О том, как у них положено встречать гостей, у меня были довольно смутные представления, так что я решила по крайней мере не врать. Здравсте, говорю, гости дорогие, если часок посидите на диванчике, то как раз дождетесь обеда. Унгуц чуть с крыльца не рухнул, так хохотал, а Орива вытаращила на меня огромные сияющие глаза и выпалила, что будет абсолютно счастлива, если я возьму ее в обучение. Я говорю, это замечательно, но давайте вы в дом войдете, чаю попьете, а потом уже будем важные дела обсуждать. Дедуля Унгуц в своей любимой манере покудахтал про «ишь ты, деловая» и «врасплох не застанешь». Они вошли, расселись, я им чаю сообразила и обратно на кухню втянулась плюшки лепить. Кухня у нас к гостиной впритык, так что я вроде бы и не ушла никуда, и разговор могу поддерживать, насколько я вообще могу поддерживать разговор на мударанжском. И вот Старейшина Унгуц принимается у меня выяснять.

Ты, говорит, роды принимать умеешь?

Умею, говорю. Двадцать два раза принимала.

Он косится на меня сквозь дверной проем, ворчит, что-то мало, дескать, обычно повитухи к моим годам уже на вторую сотню заходят.

Так, дедуль, говорю, у меня профиль другой. Уметь-то я умею, но зарабатываю обычно тем, что режу, — и для большей наглядности ножиком ему машу.

Он все смеется. Сколько ты, спрашивает, училась?

Я говорю, в двенадцать лет начала, в восемнадцать меня к первому больному пустили, потом еще три года под присмотром работала, а потом еще семь лет без присмотра.

Смотрю, Орива малость приуныла. Поясняю, что годы земные почти вдвое короче. Потом они некоторое время пересчитывают... Это соотношение календарей меня просто убивает, кстати. Я до сих пор живу по земному, иначе рехнусь. Недель у них вообще нет, а месяцев *почти двадцать два*, причем это «почти» каждый год меняется. Они ведь честно считают свои месяцы по лунным циклам, а лун-то три... В общем, я только знаю, что муданжский месяц примерно равен земному плюс-минус два дня, а от Белого Дня отсчитывают новый год и соответственно новый месяц. Азамат сделал мне какое-то мудреное хронометрическое устройство, где надо крутить круги, но я все время забываю, как им пользоваться. Тогда он мне написал программку, в которую можно ввести земную дату и получить муданжскую или наоборот. Эту драгоценность я залила в мобильник, на чем мое календарное образование и закончилось.

В общем, пока гости считали годы, пришел Азамат и застыл в дверях веранды памятником самому себе.

Здравствуйте, говорит, Старейшина Унгуц, а что же вы не предупредили?

Старейшина хихикает и говорит: да я хотел предупредить, а твоя супруга нас сразу за чай усадила, что ж мы, возражать будем?

Оказывается, у них, если хочешь к кому-то в гости прийти, надо заранее лично явиться и попроситься. По телефону или через Сеть предупредить нельзя, это невежливо, обязательно самому прийти. Вот если к себе кого-то зовешь, то это и по телефону можно. Ну так кто ж их знал?

Впрочем, из всех нас неудобно было только Азамату, который предпочел бы к приходу гостей в доме прибраться. Ну да ничего, пускай привыкает. Я и порядок — вещи плохо совместимые в одном доме. А Старейшина Унгуц хихикал и намекал, что все еще неплохо обернулось, а то я

ведь могла непрошенных гостей и вовсе на порог не пускать. Да и когда бы им еще довелось земных плюшек попробовать?

По итогам обеда было решено, что Орива будет и дальше работать в «Щедром хозяине», потому что на обучение уйдет много лет, а жить на что-то надо. Я же постараюсь первым делом обучить ее всему связанному с родами, а уж потом, если мы обе захотим, перейти к прочим областям. Меня это тоже устраивало. Когда-то ведь и самой рожать придется, и лучше чтобы под рукой была акушерка, которой можно доверять. Еще мы решили, что платить за обучение она мне не будет, потому что я пока не настолько хорошо владею языком, чтобы полноценно преподавать, но зато она будет бесплатно мне ассистировать, когда я буду кого-нибудь лечить. Насколько я поняла, это на Муданге нормальная практика для индивидуальных учеников.

Орива от меня была в полном восторге, в основном из-за того, что она назвала смелостью. Я, дескать, не стесняюсь ни своей работы, ни своего дома, ни даже того, что не знаю, как принимать гостей. Я на это высокомерно приподняла бровь и (уже гораздо менее высокомерно в силу языковой беспомощности) заявила, что стесняться должны те, кто неспособен сам себя обеспечить, что если кому мой дом не нравится, то я их не заставляю тут сидеть, а что касается правил гостеприимства, так я по своим, земным, действую, вот и относитесь к ним как к плюшкам. Орива, которая, видимо, сильно комплексовала из-за своей чрезмерной по муданжским представлениям самостоятельности, просто возликовала и сообщила, что намерена стать моей лучшей подругой вот прямо сейчас и навсегда. Унгуц одобрительно посмотрел на нее, Азамат влюбленно посмотрел на меня, в общем, все расстались очень довольные. Кстати, у Азамата хунь-бимбик ничуть не хуже, чем у Тирбиша, получают.

Так что теперь я регулярно совмещаю обед с просветительской беседой и демонстрацией накопанных в Сети фотографий по теме. Прочие посетители «Щедрого хозяина» иногда заглядывают в экран бука, над чем это прогрессив-

ные дамы там склонились, но, кажется, не понимают, что на фотографиях, а то бы едальня могла понести убытки.

А вот после встречи с Оривой начинается мой локальный ад под названием женский клуб.

Женских клубов в городе много, но, как меня уверяют все, к кому я успела с этим пристать, они абсолютно одинаковые. Смысл клуба в том, что собираются по пять-шесть замужних теток и коротают вечерок за рукоделием и беседой. Это, конечно, не ужас какое обязательное мероприятие, но это фактически единственное место, где может происходить светское общение. Замужние женщины на Муданге никогда не работают, если их мужа хоть на что-то годятся. Праздники у муданжцев сильно ритуализованы и проходят обычно под открытым небом. Там можно потанцевать и попеть, вкусно поесть и выпить, продемонстрировать детей и подаренный матерью или сестрой кафтан. Но вот поговорить там не особенно получается, да и не дело в праздник болтать попусту. Есть еще семейные праздники — дни рождения, годовщины свадьбы, дни поклонения семейным богам-покровителям, дни посещения могил предков и еще всякие другие дни, в которых я не успела разобраться. Но в такие дни в дом вообще чужих не пускают, только семью, а в понятие семьи у муданжцев входит только супружеская чета с детьми, ну или еще если у кого из супругов есть неженатый брат или незамужняя сестра. Даже родители — это уже пренебрежительное *хматан*, седьмая вода на киселе. А приглашать много гостей просто так на посиделки и вовсе не принято.

Вот и получается, что бедным тетенькам нужны специальные клубы, чтобы пообщаться. Внешне клуб — это такая банька, втиснутая между чьей-нибудь оградой и улицей на ничейной земле. Внутри там мягкие лавки, стол, яркое освещение и чайные принадлежности. Сладкое к чаю каждая прихватывает с собой, у кого что дома найдется. Приходить можно в любое время, в клубе почти весь день кто-то есть, дома-то скучно.

У клуба есть и другая функция — информационная. Во-первых, здесь всегда можно услышать и обсудить све-

жайшие сплетни, а во-вторых, если ты ходишь в клуб, значит, выставляешь свою жизнь напоказ, тебе нечего скрывать и стесняться, значит, ты добропорядочная гражданка. Именно поэтому Алтонгирел мне и велел обязательно сюда наведываться, и лучше ежедневно. Никаких возражений у меня это не вызвало, а уж с тех пор как Азамат стал пропадать на тренировках дни напролет, мне и вправду стало особо нечего делать дома.

Мой первый визит в клуб вряд ли когда-нибудь сотрется из памяти. Это было на третий день после боев. Я уже ловила на себе озадаченные взгляды соседок, недоумевающих, чего это я все где-то бегаю с таким деловым видом, а в клуб не иду. И вот я пришла, вся такая нарядная, с корзинкой печенья и вязаньем. Это было ближе к вечеру, солнце начинало задумываться о том, чтобы сесть.

— Здравствуйте, — говорю я пятерым собравшимся в тот день дамам. — Я Элизабет, жена Байч-Хараха из Глубокого дома, пожалуйста, позаботьтесь обо мне.

Это приветствие я, конечно, не сама выдумала. Азамат мне его написал и повторил четыре раза, а потом еще заставил отрепетировать, чтобы я не заржала в середине. Глубоким наш дом называется потому, что стоит далеко от парадной калитки, глубоко в саду. А просьба позаботиться — это ужасно формальный способ нового жильца поздороваться с соседями.

Меня встретило гробовое молчание под аккомпанемент изучающих взглядов. А потом дамы вдруг резко отвернулись от меня и принялись разговаривать между собой.

- Я же говорила, что она придет.
- Да кто бы с тобой спорил! Мы только не знали когда.
- Одета хорошо.
- Неужели настоящая землянка?
- Муж у нее кошмарный, конечно...
- Да, и как бедняжку угораздило?

Азамат много раз уже мне объяснял, что муданжцы всегда так делают: когда стесняются говорить с человеком, начинают говорить друг с другом о нем. Это чудовищно неприятно, но даже Азамат, по-моему, не совсем осознал

почему. Ему это кажется вполне естественным. Однако перемывание костей дорогому супругу я тут терпеть не намерена.

Я громко кашляю, водружаю на стол свои печенюшки и сажусь на ближайшее свободное место, как водится, без приглашения. Кстати, этот вопрос я тоже прояснила. Оказывается, человек должен сам выбирать, стоять ему или садиться, и если садиться, то куда, потому что этим он выражает некую степень вежливости по отношению к окружающим. В каждом интерьере все сидячие места очень четко расположены с точки зрения почетности, это определяется высотой, удаленностью от двери, удобством, приближенностью к хозяину дома или самому красивому из присутствующих. А в едальнях и на праздниках специально не делают сидений, чтобы все гости чувствовали себя одинаково важными персонами.

Я сажусь как середнячок — рядом с дверью, но место удобное и напротив меня довольно симпатичная дамочка.

— Угощайтесь, — говорю с благожелательным видом.

Дамы с любопытством заглядывают в мою корзинку.

— Я таких никогда не видела, — говорит одна.

— Это земной рецепт, — отчеканиваю я специально выученную фразу.

Они снова на меня воззряются, как консилиум стоматологов на особо лихо закрученный зубной корень.

— Ты что, сама пекла? — с ужасом и недоверием спрашивает одна, от удивления растеряв всю свою застенчивость сразу вместе с вежливостью.

— Ну да, — пожимаю плечами.

— Тебе что, делать нечего? — спрашивает другая в том же тоне.

— Я люблю готовить, — непробиваемо отвечаю я. К этому я тоже была готова.

Они переглядываются и осторожно пробуют печенье. Оно им приходится по вкусу, и постепенно обстановка разряжается. Мне даже сообщают, что у меня хорошо получается.

— Ты, наверное, одна жила, вот и привыкла готовить,

да? — находит рациональное объяснение моей причуде дама напротив.

Я неопределенно киваю.

Меня угощают чаем и всякими местными сладостями, я старательно хвалю поваров моих соседок. Дамы выглядят очень довольными и советуют мне, кого лучше нанять в этом качестве, а кого нельзя пускать на свою кухню ни в коем случае. К этому я тоже готова; я им сообщаю, что, если мне понадобятся услуги повара, я привлеку Тирбиша. Этим заявлением я зарабатываю восхищенно-одобрительный возглас «О-о-о-о-о!», и тема поваров затухает. То-то.

Я решаю, что настал подходящий момент, чтобы закинуть удочку на интересующую меня тему — не поучит ли меня кто-нибудь шить муданжскую одежду.

— А кому ты хочешь шить? — оживляются дамы с таким откровенным подтекстом, что я начинаю чувствовать себя добычей стервятников.

— Да всем... — мямлю я. — Мне бы научиться, тогда уж буду думать кому...

В конце концов, если они меня научат, почему бы и им не сделать что-нибудь? Раз уж тут это так ценится...

Дамам идея нравится. Они извлекают свои текущие проекты — у кого шитье, у кого вышивание, показывают мне, сыплют швейными терминами, я ничего не понимаю, говорю им об этом раз тридцать, в итоге мы решаем, что завтра в то же время они принесут разной самошитой одежды, и я выберу, что из этого я хочу научиться делать первым номером.

Постепенно они успокаиваются и принимаются за свое рукоделие. Я тоже достаю вязанье. Они расспрашивают меня чуть-чуть, но я мало что могу сказать о материале и способе вязки. Скоро им надоедает выслушивать мои мучительные и корявые объяснения, и они начинают разговаривать между собой на свои темы, практически не обращаясь ко мне.

Вот упомянули какую-то общую знакомую.

— Да она уже четвертого рождает. Это ж надо было за та-

кого выйти — только успеет одного родить, а муж уже на следующего накопил. Я ей говорю, требуй больше! А она: да ладно, зато он довольный все время, меньше пристаёт.

Все хохочут. Интересно, у парня как, если довольный, то не хочется? Или просто налево ходит?

— Мой вот тоже почти уже накопил, — вздыхает моя ближайшая соседка. — Прямо не знаю, что делать. Я первого-то еле родила, потом месяц не вставала. Даже страшно... К той же повитухе ни за что не пойду.

— Приходите ко мне, — говорю. — Я это тоже умею.

— Ты повитуха? — удивляются они.

— Ну я вообще-то целитель, но роды принимать тоже умею.

В муданжском сознании это совсем разные профессии.

Конечно, теперь приходится долго объяснять, как на Земле организовано образование, да почему я должна работать, да неужели такая кошмарная работа может нравиться, и все в таком духе. Лучше бы уж молчала, разбирались они тут как-то без меня до сих пор... хотя это и ужасно эгоистичный подход.

— Кошмар! — восклицает моя соседка. — Ты шьешь, готовишь, работаешь, и в придачу к этому такой жуткий муж!

— Ужасно, — вторит ей другая. — Как же он так тебя обманул?

— Такой урод отвратительный! — стонет третья.

— Да еще изгнанник! — напоминает четвертая.

— Небось и денег нет, потому тебе и приходится работать, — предполагает пятая.

Я изо всех сил сжимаю зубы в надежде, что сейчас они заткнутся хоть на секунду и дадут мне вставить по возможности вежливое слово. Как бы не так.

— Мерзкий, гадкий мужик, мало того что женился обманом, так еще и наживается за твой счет!

— Вот паразит! Да таким, как он, вообще размножаться нельзя!

— Недаром от него родной отец отрекся!

Это становится последней каплей. Я непослушной рукой заталкиваю вязанье в корзинку и встаю.

— Прошу прощения, — говорю сквозь стиснутые зубы, — но если вам так неприятно со мной общаться, вы могли бы мне об этом прямо сказать. Совершенно необязательно поливать дерьмом моего мужа!

Я все-таки срываюсь на крик, что плохо, потому что я и так говорю с акцентом и ошибками.

Они замирают в недоумении настолько искреннем, что я даже не выскакиваю из клуба, хлопнув дверью, как только что собиралась.

— Ты что, обиделась? — догадывается старшая.

— Нет, знаете, я просто в восторге! — отвечаю ядовито и тут же об этом жалею. Могут ведь и не просечь иронии...

Немая сцена продолжается, когда вдруг одна из дам охает, хлопает в ладоши и привлекает всеобщее внимание. Другие склоняются к ней, она что-то шепчет, я не разбираю, но, кажется, там мелькает имя Алтонгирела. Только этого не хватало мне для полного счастья!

Старшая с подозрением что-то переспрашивает, потом откашливается и обращается ко мне:

— Ты... не любишь, когда о твоём муже плохо говорят?

На сей раз я нахожу в себе силы ответить четко и ясно:

— Да, я этого очень не люблю. Мне удивительно, что вы вообще об этом спрашиваете.

Они снова переглядываются.

— Не обижайся, — говорит мне старшая дама. — Мы просто хотели тебя подбодрить.

— Тебе надо поговорить об этом с духовником, — советует моя соседка.

Вы хотите мне сказать, что *это* — тоже культурная фишка? Ребятам, да я же тут загнусь... Ладно, поговорить с кем-нибудь вменяемым надо обязательно, а оставаться здесь решительно невозможно.

— Обязательно поговорю, — отвечаю. — Доброй ночи.

Домой я приплелась в подавленном состоянии. По-хорошему, надо было им всем в рожи плюнуть, но после

моей выходки на боях Алтонгирел уже трижды мне мозги компостировал, чтобы держала себя в руках. Унгуц, правда, кажется, считал, что так этому старому хрену и надо, да и ничего особенно ужасного я не сделала. Ну вернула ему бормол. Я так понимаю, это значит примерно «я тебя ненавижу». Ну прилюдно — значит унизительно. Его авторитет от этого сильно пострадал, особенно после того как распространилась весть, что я и есть та самая девочка, про которую он всем уши прожужжал. И что, хотите сказать, он этого не заслужил? Да идите вы.

Но дело было не в Алтонгиреле, конечно. Покидая наш дом вместе с Оривой, Унгуц мне строго указал, чтобы я объяснила мужу, что там произошло вчера, пока он получал награды. Дескать, поступила-то ты, может, и правильно, но и расхлебывать это тоже тебе. И не хватало еще, чтобы Азамат от кого другого узнал. Можно подумать, я сама всего этого не понимала... хотя хорошо, что Унгуц на меня надавил, а то бы еще не знаю сколько оттягивала момент.

В общем, в тот же вечер выложила я Азамату свою нехитрую историю.

На известие, что я и есть та самая девочка, он отреагировал на удивление спокойно.

— Ты знаешь, я даже что-то такое подозревал, — ухмыляется, смотрит ласково. — Ты же не думаешь, что я могу счесть тебя виноватой в моих несчастьях?

— Да я в общем-то никаким боком туда, но в принципе неприятный осадок остаться может...

— Ну что ты! — И тянется обнять.

— Подожди, — говорю, — это еще не все.

А вот то, что я прилюдно поругалась с его папенькой, Азамата огорчило даже больше, чем я ожидала. Я понимала, что он не обрадуется. Даже когда я направлялась наперерез Аравату, заготовливая гневную тираду, я прекрасно понимала, что делаю это не для Азамата, а для себя. Он бы, конечно, предпочел, чтобы все жили в мире друг с другом. Но есть вещи, на которые я неспособна. Не то чтобы я была особенно принципиальной. Скорее я просто слиш-

ком импульсивна. Если бы Арават мне попался хотя бы через день после того, как я узнала о своей роли в истории Азамата, я бы по крайней мере поговорила с ним наедине. Не потому, что он этого заслуживает, а потому, что Азамат все еще его уважает. Но что сделано, то сделано.

— Ну, Лиза... — Азамат морщится и отворачивается. Надолго замолкает. Вздыхает.

Я жду. Я просто вижу, как он хочет меня обругать, как он бесится внутри, но не дает этому выхода, потому что боится меня обидеть. А я ему хочу сказать... ох что я ему хочу сказать! И внезапно я очень ясно вижу, что мне с этим человеком предстоит прожить *много долгих сложных лет*, и я не смогу все это время молчать, и он не сможет. И в какой-то момент, когда мы поругаемся из-за ерунды, это всплывет, и будет очень страшно. Потому что, когда понимаешь, что человек давно на тебя обижается, начинаешь сомневаться в искренности всего хорошего, что он тебе говорил и делал.

Сейчас тоже страшно. Но надо, надо.

— Он сволочь и заслужил это. Вернее, это так, фигня, заслужил он гораздо больше!

— Ты его не знаешь...

— И поэтому могу судить объективно.

— Но ведь без него ты не смогла бы увести корабль!

— Да, и мне очень обидно, что внешне хороший человек оказался такой дрянной личностью.

— Лиза, перестань, пожалуйста! — Он чуть повышает голос.

— Нет, не перестану! Я не понимаю, как ты можешь его защищать, после того что он с тобой сделал!

— Он мой отец!

— Нет.

— Что — нет?!

— Он от тебя отказался! Ты понимаешь это вообще? Ты представь, вот будут у нас дети. Что такое мог бы сделать *твой* ребенок, чтобы ты от него отказался?!

— Да как ты можешь так сравнивать? У него нас могло быть сколько угодно, а я...

— У тебя их тоже может быть сколько угодно, тут нет никакой разницы! Просто он тебя убедил с детства, что может делать с тобой все, что хочет, а ты все равно должен уважать его решение! Ты представь, как он должен был к тебе относиться, чтобы от тебя *отречься!*

— Это неважно, Лиза, неужели ты не понимаешь? — Он встает и принимается метаться по комнате.

— Это важно! Потому что или он полный идиот, или он тебя ненавидел! Ты это понимаешь?

— Да! Нет! Я не хочу! — Останавливается. Наконец-то смотрит на меня. — Я не хочу так думать. Я *не хочу*, чтобы он меня ненавидел.

— И предпочитаешь притворяться, будто это ты виноват? Азамат, оттого что ты и дальше будешь ему кланяться, он не начнет относиться к тебе лучше.

Он падает обратно на диван и трет лицо.

— Оттого что ты его обругаешь, я не стану относиться к нему хуже. Я умом понимаю, что он неправ. Я понимаю, что сам бы никогда так не поступил. Но я все равно... хочу, чтобы он меня простил.

— Нет, — говорю, придвигаясь поближе и заглядывая ему в лицо. — Ты хочешь, чтобы он попросил прощения.

Он долго молчит, шаря невидящим взглядом по комнате.

— Может быть, — говорит он наконец. И вдруг спохватывается: — Значит, ты понимаешь, что я хотел бы с ним помириться?

— Конечно понимаю.

— Тогда зачем ты мне рассказываешь, какой он плохой? Мне ведь это неприятно!

— Чтобы ты перестал сдерживаться, покричал на меня, выяснил, что я тебя понимаю и люблю со всеми твоими закидонами.

Азамат высоко задирает брови и намеревается сказать что-то ужасно язвительное о моих манипуляциях, но ему не дают. В нашу гостиную внезапно врывается Алтонгирел с воплем:

— Вы чего орете на всю улицу?! Вы что, поссорились?! Азамат, ты сдурел?!

Я уже совсем собираюсь сказать какое-нибудь хамство, но тут Азамат наклоняется ко мне, и мы долго выразительно целуемся. Я успеваю забыть, что Алтонгирел вообще тут есть. Но Азамат напоминает.

— Он — тоже мой закидон, — говорит. — Не надо с ним ругаться. Договорились?

Так вот, иду это я из клуба и думаю: вот черт, и бабам противным в рожи не плюнула, и в рамках приличий не удержалась. Уж надо было или все терпеть, или устроить полноценный скандал. А то ни нашим, ни вашим. И Азамат сейчас еще скажет, что не надо было с ними ругаться, тут ведь так принято. А то еще начнет мне доказывать, что они были правы. И что-то мне с каждым днем труднее его любить сквозь весь этот Муданг, прости господи.

Захожу домой — а там гости. Алтонгирел, Эцаган и Тирбиш. Интересно, а меня, значит, не позвали? И по каким соображениям? Эцаган вообще, кажется, не рад меня видеть.

— О, Лиза, ты уже вернулась? — задает бессмысленный вопрос Азамат, входя с кухни с тарелкой какой-то еды.

— Нет, я тебе мерещусь, — ворчу я, роняя свою телесную оболочку в кресло, предварительно выкинув из него пенковую упаковку от нового сервиза.

Мужики загадочно переглядываются.

— Ну как клуб? — продолжает идиотские вопросы Азамат.

— А то ты не видишь, что я в восторге!

Нет, он что, нарочно?

— Вижу, вижу, — говорит он примирительно. — Просто интересно, чем они тебе так досадили? Вроде все приличные женщины...

Мне очень много чего хочется сказать, но я сдерживаюсь при гостях. Конечно, все свои и меня они видели в состоянии похуже, чем сейчас. Но все-таки... так и истеричкой прослыть недолго, если буду по каждому поводу при всех сцены устраивать. Да и объяснять опять, почему меня так задевает, когда оскорбляют Азамата, я немного стесня-

юсь. Алтонгирел мне и так украденную душу все время припоминает.

Азамат нависает над спинкой кресла и гладит меня по голове, его коса ложится мне на плечо.

— Ну рассказывай уже, любопытно ведь, что ты с ними не поделила.

— «Что, что»?... — отмахиваюсь. — А то сам не знаешь. Тебя, естественно.

— А поподробнее?

— Да ничего интересного. Начали тебя опускать. Один раунд я выдержала, но потом... в общем, они реально отвратительные вещи стали говорить. Я встала, сказала, типа, не хотите меня видеть, так и скажите. Они, видимо, не поняли, чего это я. Потом пошушукались и говорят такие, сходила бы ты к духовнику. Не знаю уж зачем. Ну я попрощалась и ушла.

— И что, даже никого не побила? — с каким-то даже разочарованием уточняет Алтонгирел. — И уродкой не обозвала?

— Ну я, конечно, очень хотела, но как-то... в общем, можешь считать, что вы с Азаматом меня выдрессировали. Я решила сначала поинтересоваться, нет ли и тут какой-нибудь культурной заморочки. А уже потом пойти и придушить их по одной.

Алтонгирел делает очень кислую рожу. Азамат вдруг принимается хохотать. Тирбиш расплывается в широченной улыбке. Эцаган единственный реагирует вербально:

— Так нечестно, капитан, вы Тирбишу подсказали!

До меня наконец доходит. Пенковая упаковка от сервиза, к счастью, не улетела далеко, так что я успеваю наступать ею всем троим, прежде чем они осознают, что я вооружена и опасна. Азамат, стратегически занявший позицию за креслом, все-таки уворачивается.

— И сколько же ты поставил, дорогой? — рычу я, понимая, что догнать и треснуть я его все равно не смогу.

— Ну что ты, Лиза, я не ставил! Это была даже не моя идея. Вот Эцаган с Алтонгирелом продули изрядно, особенно Алтонгирел!

— На что он ставил, у меня вопросов нет. А остальные двое?

— Тирбиш выиграл, — охотно повествует Азамат, по-прежнему держась за креслом. — Он ставил на то, что ты разозлишься, но сдержишься.

— А Эцаган?

— А я вообще хорошо о вас думал! — обиженно заявляет Эцаган. — А вы меня бить! Я ставил на то, что вы ни с кем не поругаетесь и вернетесь в хорошем настроении!

Ах вот чего он так скис! Погодите...

— Хочешь сказать, ты думал, что я стерплю, когда моего мужа обижают? Ничего себе хорошо ты обо мне думал! Да это я тебе еще мало врезала!

К сожалению, догнать Эцагана тоже нереально. Приходится швырнуть в него пенкой и наплевать на все это. Решив, что я снова смиренная, мужики рассаживаются по местам.

— Лизонька, — проникновенно говорит Азамат, награждая меня муданжским уменьшительным, — они не хотели обидеть ни тебя, ни меня. Просто женщинам обычно приятно слушать гадости о своих мужьях от подруг. Это такая женская солидарность. Они на самом деле не думают того, что говорят, они просто так друг друга поддерживают. Можно сказать «ты сегодня хорошо выглядишь», а можно «у тебя муж сволочь», и это будет значить одно и то же.

Вот и живи на этой планете.

Короче говоря, из клуба я не ушла. Хотя на следующий день, едва заявившись, разразилась заранее выученной проникновенной тирадой о том, что у нас на Земле такое совсем не принято, что я это воспринимаю как оскорбление лично мне и что не надо, пожалуйста, плохо говорить о моем муже, потому что он очень хороший человек. Если бы еще в муданжском языке различались слова «хороший» и «красивый», может быть, меня бы правильно поняли. А так просто решили, что я со странностями.

Так что в клуб я продолжаю ходить, и меня это не слишком радует. Про Азамата больше никто не заикается,

но зато своих мужей они поносят так, что у меня уши вянут. Дольше часа в день я там просто высидеть не могу. А учителя по части кройки и шитья из них тоже не супер, потому что у каждой свои узоры и приемы, передаваемые из поколения в поколение внутри семьи, и делиться ими с соседками ни одна не хочет. Шов, говорит, должен получиться вот такой. А как его делать — сама догадывайся.

Вот и лежим мы с Азаматом в «Лесном демоне», грызем сурчинные лапки и треплемся обо всякой фигне. Хотя вообще-то говорить надо о насущном.

— Азамат, солнышко, а ты не хочешь куда-нибудь съездить на несколько дней?

Он моргает на меня как-то обиженно.

— Я тебе мешаю?

О господи, он неисправим.

— Я имела в виду вместе съездить, естественно.

— А... а куда ты хочешь? На Гарнет?

— Да нет, зачем сразу на Гарнет? Просто из города куда-нибудь. Развеемся. Погулять... У тебя, помнится, табуны какие-то несметные имеются. Да и вообще, я же вижу, как ты смотришь на дорогу из города. Тебе же хочется на природу...

— Хочется, конечно, — вздыхает. — Я ведь по всему этому больше всего скучал. Таких лесов, как у нас, больше нигде нет...

— Ну а чего ты тогда тут дурака валяешь? Давно бы уже выбрались.

— Ну так дела...

— Подождут твои дела. Пятнадцать лет как-то обходились, уж пару дней-то перебыются!

— ...ну и потом, — продолжает он, не особенно меня слушая, — сезон сейчас не тот. Это тебе не парк на Гарнете. Там же снег лежит, холодно. Здесь, в столице, климат мягкий. А уже даже на северной оконечности Дола, где мои табуны, там совсем неподходящие для тебя температуры.

— Я тебе открою страшную тайну, — говорю. — В моем городе на Земле зима длится полгода, а где бабушка жи-

вет — там и все три четверти. И морозы до минус сорока по Цельсию. Так что не надо меня тут запугивать снегом, лучше купи две пары лыж — и поедем смотреть на лошадок. И вообще, прежде чем отказывать себе в удовольствии из-за меня, можно хотя бы поставить меня в известность.

Он довольно улыбается мне через столик.

— Лыжи, — говорит, — у меня есть. Но я ставлю тебя в известность, что ты вряд ли сможешь на них передвигаться.

ГЛАВА 2

Летательный аппарат, который Азамат конструировал, себя оправдал, хотя я поначалу боялась в него садиться. Больше всего эта штука похожа на жука-оленья, только зеленая и переливается. В ней четыре места, как в машине, хотя и потеснее, чем в муданжских ящиках на колесах. Взлетает такая штуковина на антигравитации, то есть, не меняя положения, медленно всплывает метров на пятьдесят, а там уже жмешь на газ, если так можно выразиться, и летишь рогами вперед. Азамат объяснил, что это вполне обычный муданжский вид транспорта, удобный в условиях бездорожья. Детали стоят довольно дорого, но если у человека деньги есть, то и такая леталка, скорее всего, имеется. А называется она *унгуц*. Да-да, ты не ослышалась, наш дорогой Старейшина получил в качестве имени название летательного аппарата. Говорят, он потому только и согласился стать Старейшиной, что всю жизнь мучился, за что же боги ему такое имя дали.

Еды на двухдневный выезд мы набрали как на неделю. Тут и всякое соленое-копченое, и сладкое, и несколько термосов чая, кофе, горячего молока (Азамат его иногда пьет просто так, брр) и бульона, термопак с несколькими видами второго и еще черт в ступе не иначе. Вместе с горой теплой одежды и *дифжир*, которую меня заставил-таки взять заботливый муж, получилось столько барахла, что пришлось часть свалить на заднее сиденье, в багажный отсек уже не помещалось.

— Ну как же так, Азамат, — говорю, подпихивая в салон внушительных размеров аптечку, — неужели ты всегда столько всего с собой таскаешь, когда выбираешься в лес? Или паковаться разучился?

— Если бы я один ехал, — ухмыляется он, — я бы взял соль, зажигалку и ружье, а остальное можно на месте добыть. Но тебе нужен комфорт.

— С чего ты это взял, интересно? — ворчу я, хотя уже не так убедительно. Все-таки спать на снегу без одеяла — это не есть мое представление об отдыхе. Ладно уж... — Где твои обещанные лыжи?

Лыжи прячутся в стенном шкафу в мастерской. Они не очень длинные, зато широченные, из потемневшего от времени дерева, а по нижней стороне подбиты пятнистым мехом.

— Ого...

— Ты все еще уверена в своих силах? — насмешливо спрашивает Азамат.

— Они что, правда деревянные? — Я действительно несколько выбита из колеи этим антиквариатом.

— Конечно, вот, посмотри. — Он наклоняет одну лыжу, чтобы я могла пощупать.

Она очень гладкая, расписана прямо по дереву какими-то хитрыми узорами, от меха пахнет то ли жиром, то ли дегтем.

— Такие старые... Они не развалятся?

— Ну что ты! — Он смеется. — Такие лыжи несколько поколений служат. Их еще мой дед делал, а он был перво-классным охотником и в лыжах толк знал. — Азамат ласково поглаживает свои соколовища по выгнутым спинкам. — Мне их отец на совершеннолетие подарил.

Тут он резко и неловко замолкает. Интересно, сколько мы еще будем об это спотыкаться...

— Ладно, — говорю, — я верю, что это хорошие лыжи. Только ты мне покажешь, как на них правильно ходить, а то придется меня на горбу таскать.

— Обязательно покажу и объясню, — серьезно кивает он.

Лыжи чудесным образом помещаются в переполнен-

ный багажник вдоль брюха нашего жучка, и мы наконец-то грузимся. Азамат жмет на кнопку, и над нами прямо из воздуха сгущается прозрачный купол, он же лобовое стекло, и рога становятся прозрачными.

— Как тебе? — с плохо скрываемой гордостью спрашивает Азамат.

— Круто... — говорю. Видимо, он долго работал над этой фишкой, надо же как-то похвалить.

— Обычно крыша выезжает из задней стенки, но так почему-то всегда женские юбки и косы прищемляет. Так что я это модифицировал.

Ну я, конечно, не в юбке, а коса из нас двоих только у него, ну да ладно, старался человек.

— Здорово придумал, — говорю. — А так в ней не застрянешь, если случайно руку сунуть, пока она появляется?

— Нет, — смеется Азамат и принимается мне объяснять, как это работает и почему застрять в крыше никак нельзя. Я даже понимаю. Но пересказать точно не могу.

Тем временем мы отрываемся от земли и всплываем вертикально вверх, вот уже и крыши домов внизу видны, а вот уже и полгорода. Азамат мягко, почти незаметно трогается с места, и мы плывем над рекой прочь из кольца скал, на север, к свободе.

Чтобы добраться до наших владений, надо пропахать полконтинента, — к счастью, поперек, а не вдоль. Азамат обещал, что это займет четыре-пять часов, если будет хорошая погода. Погода сегодня ничего, оба солнышка исправно светят, но ветер суровый, так что Азамат держится поближе к земле, где не так сдувает.

Дол, на берегу которого пасутся призовые табуны, — это очень большое почти пресное озеро. Азамат говорит, что пить из него не слишком приятно, хотя и можно, а если в нем плавать, то ощущения как от пресной воды. Сейчас, правда, плавать не сезон.

Мы довольно рано встали, чтобы долететь засветло и еще успеть там погулять, поэтому меня уже клонит в сон, но мне жалко Азамата, который за рулем, естественно, спать не может, так что я пытаюсь поддерживать разговор.

Говорим мы теперь с ним вообще забавно: я почти все время на всеобщем, а он почти все время на мударанжском. Я сама попросила так делать, чтобы побыстрее учить язык, но безумие получается изрядное, потому что мне все время приходится вставлять местные названия продуктов, одежды, утвари и прочего, а ему — родственников и всякие душевные состояния, для которых в мударанжском очень неразвитая терминология.

— Как твои воины? Учатся хоть чему-нибудь?

— Учатся, и неплохо. Тех, которые ни на что негодились, я на прошлой неделе попросил нас покинуть.

— Неужели? Прямо вот так и попросил? — Мне действительно трудно себе представить, чтобы Азамат кого-то выгнал, пусть даже в вежливой форме.

— Ну а что делать? — тут же смущается он. — Люди время тратят, я тоже, а толку никакого... Конечно, считается, что мужчина должен смыслить в военном деле, но ведь это дано не всем.

— Да нет, я только за! Ты и так за троих пашешь, еще не хватало всяких бездарей на себе тянуть. Я просто удивилась, что ты на это решился, ты ведь всегда такой... покладистый.

Он с кривой ухмылкой косится на меня.

— Лиза, видишь ли, есть люди, которые мне дороги, и с ними я действительно стараюсь по возможности соглашаться. Это не значит, что кто угодно может навязать мне свои предпочтения.

— Да я верю, верю! — быстро киваю я. — Только когда в следующий раз будешь кого-нибудь выгонять, позови меня посмотреть, а? Мне любопытно.

— Хорошо, — усмехается он. — Думаю, как раз в ближайшие дни назреет необходимость. Ты вот лучше скажи, тебе никто не докучает?

— Кроме дам из клуба?

Азамат закатывает глаза.

— Ясно, — вздыхаю.

А кто мне еще может докучать? Мужики, конечно, не всегда приятно реагируют на мое появление на улице.

Многие свистят, обсуждают меня вслух, иногда рыгают, проходя мимо. Это все, безусловно, противно, но я точно знаю, что они меня не тронут. Если уж Азамат, который так надо мной трясется, говорит, что никто не посмеет меня и пальцем коснуться, то мне и в самом деле нечего бояться. Правда, в «Щедром хозяине» мелькает этот мужичок... мелкий по мударжским меркам, бритый, всегда очень ярко одет. Он там тоже обедает, как я, и в то же время. И потом, мне кажется, я его несколько раз видела около клуба... На всякий случай излагаю все это Азамату.

— Да-да, — кивает он угрюмо. — Он не просто тебе попадает, он весь день за тобой ходит.

— А ты откуда знаешь? — выпаливаю я, еще не окончательно осознав сказанное.

— Попросил Эцагана за ним последить. Этот «мужичок» уже ко мне подходил с разговорами на тему, кто чего достоин. Я помню, как ты к этому относишься, так что сказал ему, что его мнение никого не интересует. Теперь либо он от тебя отвяжется, либо придется подходчивее объяснить...

— Ну ни фигя себе! Все самое интересное — и без меня? Нет, ты, когда ему объяснять будешь, обязательно меня позови, я хочу это видеть!

Я серьезно очень плохо себе представляю, как это Азамат кому-то «объясняет подходчивее». Бои — боями, но чтобы он всерьез кому-то вред причинил...

— Ты что-то нынче кровожадная, — усмехается он. — Неужели твои подруги в клубе все еще про меня высказываются?

— Какие они мне подруги! — взвиваюсь я. — Эти курицы бесполезные, от них никакого толку! Сидят мужей своих поносят. И ведь небось неплохие мужики! Это кошмар какой-то просто. Я туда иду каждый раз как наказание отбывать непонятно за что. Последнее время еще придумали мне кличку, а я понятия не имею, что она значит.

— А чего ж меня не спросила? — хмурится Азамат.

— Забыла. Я тебя вижу-то за ужином и утром, и мне как-то не хочется с тобой об этих дурах разговаривать.

Хоть бы кто-нибудь с болячками обратился, я бы хоть поработала, а так вообще непонятно, на что все время уходит.

Азамат хмурится еще сильнее.

— Так что за кличка?

— *Хесай*.

Мне померещилось или он зарычал?

— Скажи им, что зависть глаза выедает.

Ого! Чем же это они меня приласкали, что дорогой супруг так обозлился?

— Что это значит-то, хоть объясни.

— Устрица, — цедит он сквозь зубы. Я молчу и жду продолжения. Оно следует после паузы. — Так называют женщин, которые получают удовольствие от секса.

— Чудесно, — хмыкаю я. — А чего ты так злишься?

— Во-первых, хотел бы я знать, откуда они это про тебя взяли. Я ни с кем не обсуждал наши личные дела.

— Я сама могла что-то такое сказать, — пожимаю плечами. — А что, это надо хранить в тайне?

Он тяжело вздыхает.

— Видишь ли... устрицы настолько любят это дело, что им абсолютно все равно с кем. Ты и так у всех на устах, а если они еще решат...

— Ну Азама-а-а-ат! — взываю я. — Ну надо же было предупрежда-а-ать!

— Да понимаю, — смущается он, — но все как-то кажется, это такие очевидные вещи... Я ведь и сам поначалу думал, что ты... прости.

Я только качаю головой. То-то он так удивился, когда я потребовала охранять меня от посягательств со стороны других мужиков.

— Ну ладно, — говорю. — Как мне их убедить, что я не устрица?

— Даже не знаю... Понимаешь, у нас есть женщины, которым совсем это не нравится, а бывают, только очень редко, такие, которые в любую минуту и с кем угодно готовы. А ты не то и не то.

— Значит, придется объяснить, что у землян все по-другому.

— И надеяться, что они поверят, — вздыхает Азамат.

Как-то это все грустно. Мы надолго замолкаем, и я начинаю зевать.

— Да ты спи, — уговаривает Азамат. — Долго еще лететь.

— Я и так почти все время сплю, когда ты рядом.

Он снова вздыхает. День вздохов просто какой-то.

— Мне надо как-то менять график. А то мы действительно почти не видимся, и получается шакал знает что.

— Ну тебе ведь эти занятия важны, это ведь то, чего ты хотел: тебя уважают, ты всем нужен... э, а почему мы спускаемся?!

— Потому, что я хочу остановиться.

Я за всеми этими разговорами даже не заметила, когда мы долетели до снега. Или, может, мы в горах? В общем, тут довольно холмисто и снег лежит везде, ровенький такой, нетронутый. Мы мягко садимся, поднимая облака рассыпчатых снежинок.

— Выходи, — говорит Азамат, отключая крышу.

— Куда, мы же еще не долетели!

— Выходи-выходи!

Я уже ничего не понимаю, но послушно выхожу. Он обхватывает меня за плечи и отводит от унгуца ближе к склону того холма, на котором мы стоим.

— Во-он, видишь, на горизонте горы? Это Ахмадхот. Когда мне было лет четырнадцать, мы с друзьями часто сюда летали зимой покататься по снегу.

— И что?

— А то, что это очень весело, — говорит он и вдруг резко притягивает меня к себе, и мы летим вниз по склону в обнимку, поднимая фонтаны снега. На нас обоих скользкие, непромокаемые костюмы, так что разгоняемся мы капитально — если бы он меня не держал так крепко, я бы поря дочно испугалась.

Наконец мы тормозим, чуть не с головой уйдя в снег. За нами остался очень выразительный след на склоне.

Азамат смеется и протирает залепленное снегом лицо.

— Боги, что ж ты так визжишь-то?

— А что, с горки надо молча кататься? — Я тоже вся в снегу, но отряхиваться пока бессмысленно. Впрочем, не то чтобы я жаловалась. Вот только как теперь наверх выбираться?.. Я еле замечаю мокрый поцелуй в мокрую щеку.

— Лиза, — говорит Азамат внезапно серьезно, — пожалуйста, не думай, что чье-то там внимание и уважение мне важнее, чем ты. Я растерялся поначалу, но продолжаться так не будет. И так целыми днями только и думаю: скорее бы вечер, скорее бы домой и тебя увидеть. Одно время еще уговаривал себя, что у тебя дела, работа и я тебе там совсем не нужен. А выходит, у нас даже нет времени новостями поделиться. Это моя вина, и я исправлюсь. Не злись, пожалуйста. Хочешь, обругай меня, только не злись больше.

Ишь ты, заметил! А я все гадала, когда меня прорвет и я ему выскажу все, что думаю об этом Муданге, об этом браке и о нем лично. Ну раз заметил, то можно сэкономить нервы.

— Да живи уж, — хмыкаю. — Че тебя ругать, если сам раскаиваешься? Теперь до следующей глупости любить буду. А сейчас расскажи мне, пожалуйста, как мы будем обратно подниматься?

— А вот об этом тебе беспокоиться не на-адо, — говорит он, сажая меня на плечо.

На одно, всю. Вообще-то у меня не такая уж маленькая задница, а на мударанжской диете — так и вовсе... Пока я раздумываю, как это он так балансирует, мы уже наверху. И только я начинаю прикидывать, как бы не натащить в салон талого снега, как мы уже опять летим вниз с горы, я опять визжу, а Азамат хохочет, и снег везде, и небо синее-синее, и жизнь абсолютно прекрасна!

Мы прокатились четыре раза, после чего все-таки уселись в кабину, предварительно отряхнувшись. К этим костюмам снег не пристает, а какой все-таки попал внутрь, скоро должен раствориться и остаться в фильтре воздухо-

очистительной системы. Мне страшно подумать, сколько еще примочек есть у этого агрегата.

После таких упражнений я все-таки засыпаю. Это даже отчасти справедливо, потому что Азамат сегодня встал несколько позже, чем обычно, а вот я недоспала.

Когда я продираю глазки, мы уже садимся. В салоне играет музыка, что-то невыразимо прекрасное и вряд ли муданжское, но, поскольку мы как раз сели, Азамат все выключает.

— Приехали, — жизнерадостно оповещает он. — Вылезаем или сначала по кофейку?

Я выбираю по кофейку, а еще по котлете и по плюшке. Я и завтракала сегодня так себе. Над нами по-прежнему синюющее небо, которое видно сквозь прозрачную крышу. На сей раз мы на равнине, только кое-где видны небольшие перепады в снежном покрове. Я проглатываю остатки кофе и даю отмашку вылезать.

Азамат извлекает лыжи и небольшой рюкзачок, который вешает себе за спину. Эти его исторические лыжи крепятся на обычные ботинки ремнями вокруг ступни.

— А зачем на них мех? — спрашиваю я, топчась на месте и внезапно понимая, что палок-то нет.

— Чтобы по склону не съезжать. Ты что-то потеряла?

— Ну как бы... э... а не предполагается чего-нибудь, на что опираться, когда идешь?

— Ты хочешь палочку? — Он поднимает брови. — Ну вон до леска дойдем, я тебе вырежу.

И машет куда-то в голубую даль, я там и не вижу того леска.

— Ладно, — говорю, — если что, за тебя зацеплюсь. Показывай, как шагать...

Это оказывается не так чтобы трудно, хотя с непривычки мне очень не хватает палок. Дома-то мы с братом на всякие лыжные курорты часто ездим покататься, но там-то горы, пластик и тренажерный зал для разминки. Ну ничего, привыкну. Азамат идет медленно, под меня подстраивается.

— Не спеши, — говорит. — Бежать никуда не надо, с горки мы сегодня уже катались.

Лесочек, как выясняется, не так уж далеко, я даже не запыхалась. Впрочем, и шли мы довольно медленно. Азамат тут же изображает мне две рогулины, и я сразу чувствую себя увереннее. Местность тут несколько более бугристая, но, как выясняется, мех не дает не только назад откатываться, но и вперед сильно скользнуть, так что вниз по склону идешь пешком точно так же, как по ровному месту.

А в лесу хорошо. Какие-то птицы фитенькают, следов кругом тьма, белки скачут. Они здесь снежно-белые и огромные, чуть ли не с кошку размером. На Муданге вообще все зверье крупнее, чем на Земле, — вероятно, из-за слабой гравитации. Деревья, причем, тоже ничего себе. По краю леса еще молодые, тоненькие, а чуть вглубь — сплошные гиганты в три обхвата каждое, и крона где-то в небесной вышине теряется. Некоторые замотаны заснеженными лианами.

Азамат тихо рассказывает: вот у этого дерева листья съедобные, а вот это летом воду запасает, если надрубить чуть-чуть, польется. Над головой бесшумно пролетает жутковатых размеров хищная птица.

— Как бы жеребенка не упер, — качает головой Азамат, но, по-моему, он скорее предлагает птичке поспорить, чем действительно переживает за своих лошадей.

Мы осторожно переходим замерзший ручей, поднимаемся вверх по довольно крутому склону. Там растет куст чего-то вроде калины. Азамат тут же срывает несколько ярко-красных гроздей сморщенных ягод и предлагает мне:

— На, попробуй. Эти только по берегам Дола растут.

Ягоды кисло-сладкие с мелкими мягкими косточками и липнут к зубам, как карамель.

— Здорово, — говорю. — У вас даже зимой в лесу что-нибудь съесть можно.

Мы двигаемся дальше, вот только Азамат теперь принимается каждые пять минут спрашивать, не устала ли я. Я отвечаю все менее и менее добродушно и в итоге толкаю его в сугроб. И когда эти муданжцы научатся ждать от

меня подвоха? Он ведь и правда падает. Естественно, мы долго ржем.

— Да, — говорит, — теперь я понимаю, как ты тогда Алтонгирела уронила. А то он все «боги», «боги»...

Лес редет, зато мы все чаще идем в гору. Мне, конечно, теперь неохота признаваться, что я и в самом деле устала, но что-то уже совсем тяжело становится. Только я набираюсь духу, чтобы все-таки признаться, как мы выходим на открытую ровную площадку, с которой разворачивается потрясающий вид на собственно Дол.

— Ух ты-ы-ы, — только и выговариваю я.

Слева возвышаются совершенно монументальные горы, гораздо выше, чем те, что окружают Ахмадхот. Справа чуть-чуть леса, а потом сколько хватает глаз бескрайняя степь под снегом. А прямо — слепящая, искрящаяся на солнце водная гладь под ультрамариновым небом. И ни единой души нигде. Я поняла наконец, чем так прекрасны муданжские пейзажи — в них нет и следа человека! Я хочу немедленно поделиться своим открытием.

— Как это здорово, что тут никого нет!

— Однако, — смеется Азамат. — Ты сильно устала от людей!

— Да нет, не в этом дело... просто на Земле нет такого места, где бы не было людей, понимаешь?

— Что ж у вас, совсем дикой природы не осталось?

— Да нет, заповедники-то есть, но туда ведь не пускают. То есть если ты работаешь в охране или изучаешь какое-нибудь зверье, то по специальному пропуску можешь пройти, а все остальные — только по туристическим тропам группами по десять человек. А здесь можно так вот запросто войти в лес — и никого...

Азамат смеется и мотает головой, дескать, подумать только, какие у землян проблемы.

Мы плюхаемся на лежащий на земле ствол чересчур раскидистого дерева неизвестной мне породы и отдыхаем, любуясь нетронутым древним пейзажем. Азамат снова принимается что-то напевать, как тогда на канатной дороге. На сей раз я все-таки спрашиваю, что это.

— Это из цикла песен о сотворении мира. Тебе-то я его очень кратенько пересказал, а там ведь на самом деле про каждую речку отдельно, не говоря уж о горных хребтах. А Дол — это вообще отдельная тема. Горсть старого бога, в которой скопилось молоко Укун-Танив... Безумно красивая песнь. Когда будет праздник начала лета, обязательно послушай, тогда весь цикл поют.

— Да мне и в твоём исполнении нравится. У вас эти певцы все верещат, как будто им что-то отдавили.

— Ты просто по-настоящему хорошего певца еще не слышала. Ахамба, конечно, неплох, но он скорее интонацией берет, а не голосом. Ну да ничего, услышишь еще.

Мы снова что-то съедаем, а потом идем вниз, к берегу. У самой кромки полоса льда метр-два шириной, а дальше вода плещется. Азамат довольно потягивается.

— Весна!.. — Внезапно он настораживается и оборачивается в сторону полей. — Не так тут безлюдно, как ты говорила... У нас сейчас будут гости.

Минут через пять я начинаю различать какую-то движущуюся точку на горизонте. Мы отходим от воды под деревья и ждем, кого это принесет нелегкая. Наконец перед нами притормаживает всадник на большой ярко-рыжей мохнатой лошади. Всадник, мужик примерно одного с Азаматом возраста, спрыгивает в снег и приветствует нас согласно этикету — кланяется, перекрестив руки на груди и положив ладони на плечи. Азамат руки тоже скрещивает, но не кланяется, а только чуть кивает. К счастью, женщины в присутствии мужа вообще не должны здороваться с посторонними.

Незнакомец открывает рот и принимается говорить — и я понимаю, что ни шиша не понимаю. То есть вроде все по-муданжски, но ни хрена разобрать не могу. Однако я чувствую, что Азамат еле заметно расслабляется. Очевидно, тут никаких проблем.

— Очень рад встрече, — говорит Азамат. — Да, мы с супругой как раз решили осмотреть землю, которая мне досталась. Наш унгуц стоит за этим лесом. Я думаю, мы сей-

час вернемся к нему и нагоним вас, а там вы нам все покажете?

Всадник отвечает утвердительно, хотя и косится на меня с сомнением. Думаешь, не дойду?

Азамат с ним прощается, он вспрыгивает обратно на своего веселого конька и неспешно удаляется откуда явился.

— Кто это был? — спрашиваю с интересом, разворачиваясь к лесу.

— Один из пастухов, — недоуменно отвечает Азамат. — Он же представился.

— Я ничего не поняла, что он говорил!

— А-а... ну да, он из Долхота, они там немного не так говорят... Но все то же самое, только чуть-чуть звучит по-другому. Ты привыкнешь.

— Надеюсь, — вздыхаю я. Стоило столько времени учить этот долбанный язык, чтобы обнаружить, что у него еще и диалекты есть! — Так чего он хотел?

— Ему Старейшина Унгуц птичку прислал, что мы сегодня здесь будем...

— Птичку?!

Азамат хохочет.

— Да нет! Это просто говорится так... ну вроде как сообщил или намекнул... То есть я не знаю, как именно. Может, человека послал, может, позвонил... кто его знает. Поэтому так и говорят, птичку послал, когда не знаешь, как именно. Так вот, он хочет показать нам табун, а еще говорит, что тут есть постоянные шатры, в которых можно заночевать.

— Хорошо, — киваю. — В постоянном шатре ведь теплее?

— Да, там печка и шкуры на полу.

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Вот сейчас как раз один из таких моментов. Скажи мне кто два месяца назад, когда я собиралась бороздить космические просторы, что через эти самые два месяца я буду деловым тоном обсуждать с мужем, что в постоянном *шатре* теплее, потому что там *печка* и *шкуры*, — да я бы сразу психовозку вызвала!

ГЛАВА 3

Я плюхаюсь на сиденье унгуца и с трудом удерживаюсь от того, чтобы немедленно заснуть. Все-таки тяжело с непривычки шастать по лесу на лыжах. Но, как я понимаю, это не последний на сегодня аттракцион.

Мы взмываем над полем и летим прочь от внушительных гор вдоль берега вслед за едва различимой в снегу фигуркой всадника. Солнце уже намекает, что оно тоже за день нагулялось и хочет баиньки где-то там, за снежным горизонтом. Мы же вызывающе показываем ему длинный нос с рогами и летим к новым приключениям.

Минут через пять мы обгоняем нашего пастуха, он машет нам снизу рукой и указывает, в какую сторону лететь дальше, что мы и делаем. Еще через пять минут, судя по всему, прибываем на место.

Здесь снежная гладь подвытоптана, из нее, как луковицы, торчат четыре шатра, у них из вершинок вместо перьев струится дым. Азамат сажает нас в нескольких шагах от крайнего жилища. Вылезать наружу мне очень не хочется, но в шатре спать все-таки удобнее, чем в кабине, так что мы снова вытряхиваемся на снег.

Едва коснувшись ногами земли, я замечаю, что на нас с лаем несутся два пса, вероятно, пастушьи помощники. Да как несутся — уши и язык развешаются где-то за спиной, задние лапы вперед передних — в общем, того и гляди, врежутся в бок унгуца. Я порываюсь запрыгнуть обратно в кабину: не то чтобы я боялась собак, но эти уж очень жаждают встречи, на мой вкус.

— Лиза, да чего ты от собак шарахаешься? Они ведь табун охраняют, это свои собаки.

— Ага, только они нас впервые видят и вряд ли им дали наш словесный портрет.

Азамат хихикает и отмахивается от меня, а когда собаки подбегают поближе, рывкает на них какое-то жуткое сочетание согласных, которое, видимо, означает «цыц».

Собаки тормозят так, что снег столбом, а правая даже наворачивается через голову. В глазах их сразу воцаряется